Т.Н. Филимонова

ФОЛЬКЛОРИЗМ РАССКАЗОВ НГУЕН ХЮИ ТХИЕПА

Вслед за политикой обновления, провозглашенной КПВ в 1986 г., свое обновление началось и во вьетнамской литературе. Знаковой фигурой его стал Нгуен Хюи Тхиеп (род. в 1950 г.). В своих рассказах писатель создал цельный и узнаваемый художественный мир, одной из особенностей которого является фольклоризм, т. е. использование фольклорных жанров (песен, преданий, быличек, мифологических рассказов и т. п.) или их специфических свойств в литературных произведениях. Месту и роли фольклора в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Обновление во вьетнамской литературе, Нгуен Хюи Тхиеп, фольклоризм, фольклор в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа.

As a result of the Doi moi policy proclaimed by the Vietnamese Communist Party in 1986 the renovation of the Vietnamese literature also began. The writer Nguyen Huy Thiep became its symbol. In his short stories he created a unique literary world for which folklorism is characteristic, it means that the writer often uses folk genres (songs, legends, myths, fairy tales, etc.) or their specific attributes. The place and role of folklore in Nguyen Huy Thiep's short stories are in the focus of this paper.

Keywords: Renovation in the Vietnamese literature, Nguyen Huy Thiep, folklorism, folklore in Nguyen Huy Thiep's short stories.

Вслед за политикой обновления, провозглашенной КПВ в 1986 г., свое обновление началось и во вьетнамской литературе. Знаковой фигурой ее стал писатель Нгуен Хюи Тхиеп (род. в 1950 г.), пришедший в литературу после провозглашения КПВ курса на политику обновления в новых социально-политических и экономических условиях.

Получивший известность, прежде всего, как автор рассказов, писатель создал свой — цельный и узнаваемый — художественный мир, одной из особенностей которого является фольклоризм, т. е. использование произведений фольклорных жанров или их специфических свойств в авторских произведениях, возможное в самых разных формах. Нгуен Хюи Тхиеп часто и многообразно обращается к вьетнамскому фольклору как прозаическому, так и поэтическому, решая свои художественно-литературные задачи. В его рассказах можно найти «следы» мифов, сказок, преданий, быличек, народных песен, *казао*¹ и т. п. В данной статье речь пойдет о месте и роли в рассказах писателя жанров исключительно прозаических.

Как показывает анализ и как мы увидим далее, случаи обращения Нгуен Хюи Тхиепа к прозаическому фольклору можно разделить на две группы. Во-первых, это переработка — самая разнообразная — некоего «готового» фольклорного материала в контексте собственных рассказов. И, во-вторых, создание авторских произведений (или их частей) как бы в том или ином фольклорном жанре. Иными словами, в последнем случае в фольклоре нет прямых аналогов этих литературных произведений, писатель создает их заново на основе своего вымысла.

Одним из самых востребованных фольклорных жанров у Нгуен Хюи Тхиепа являются предания, чрезвычайно распространенные во вьетнамском фольклоре. Под преданиями обычно понимаются произведения устного народного творчества, в основе своей так или иначе связанные с исторически подлинными героями и событиями и по тем или иным причинам оставшиеся в памяти народа, т. е. для них характерна установка на достоверность.

Так, рассказ «Рыбак Чьонг Тьи» (Truong Chi) является переработкой известного старого предания о Чьонг Тьи. Эта история широко известна в народе в нескольких вариантах, существует в виде

средневековой повествовательной поэмы на вьетнамском языке неизвестного автора, которую Нгуен Хюи Тхиеп упоминает и даже цитирует в своем рассказе, а также уже в XX веке вдохновила некоторых знаменитых авторов на создание своих переделок. Так, например, поэт Ву Хоанг Тьонг (1916—1976) сочинил одноименную пьесу в стихах, а известнейший композитор и поэт Ван Као (1923—1995) — песню.

По одной из версий предания, наиболее близкой к рассказу Нгуен Хюи Тхиепа², Чьонг Тьи был бедным рыбаком, обладавшим чудесным даром сочинять и петь песни, но страшно уродливым внешне. Выходя на рыбалку, он обычно пел. Его песни часто слушала красавица Ми Ньонг, дочь высокопоставленного чиновника, и заочно влюбилась в исполнителя. Когда Чьонг Тьи стал ловить рыбу в другом месте и Ми Ньонг не могла больше наслаждаться его пением, она заболела. Узнавший от служанки, в чем дело, отец Ми Ньонг велел разыскать Чьонг Тьи. Когда тот вновь стал петь под окнами красавицы, Ми Ньонг начала на глазах выздоравливать и даже попросила служанку помочь ей выйти на террасу, чтобы не только слышать, но и видеть Чьонг Тьи. Но, увидев его, она пришла в ужас от его вида и поспешно вернулась в дом. С тех пор ей больше не хотелось слушать песни Чьонг Тьи. Он же, напротив, после встречи с Ми Ньонг, влюбившись, потерял покой. Но сколько он ни пел, Ми Ньонг так и не обратила на него внимания. Песни Чьонг Тьи становились все грустнее и отчаяннее, и в конце концов он бросился с лодки в реку.

В предании говорится, что далее душа Чьонг Тьи переселилась в сандаловое дерево, растущее недалеко от дома Ми Ньонг. Отец девушки велел срубить дерево и сделать из него красивую чашу для чая. Однажды Ми Ньонг налила в нее чай и вдруг увидела на дне изображение лодки Чьонг Тьи, а затем, как в прежние времена, услышала и его пение. Это пение, полное безнадежной любви и страдания, растрогало сердце красавицы, а когда ее слезинка упала в чашу, та превратилась в струю прозрачной воды.

На тему этой истории Нгуен Хюи Тхиеп и создал свой рассказ, который оброс новыми деталями и смыслами. Конкретно в своем рассказе Нгуен Хюи Тхиеп повествует о последней ночи из жизни героя, когда он особенно ощущает полное одиночество, беспредель-

ную тоску и неудовлетворенность жизнью до полного неприятия ее. Как свидетельство этому рефреном по всему рассказу проходит восклицание Чьонг Тьи «*Дерьмо!*». Ночью он сидит в лодке, поет грустные, душераздирающие песни и вспоминает события четырехтысячелетней (!) давности, ставя читателя в тупик относительно времени основного действия: «... он закрыл глаза. *Четыре тысячи лет тому назад его преследовала такая же бессонница. Четыре тысячи лет тому назад он уже так страдал, уже испытывал такую же злость*»³. И на протяжении всего рассказа герой то уносится в далекое прошлое, то возвращается в ночь рассказа.

Содержание рассказа составляет встреча Чьонг Тьи с красавицей Ми Ньонг, которая происходила в ее дворце в присутствии многочисленных придворных. Эта встреча заставила героя задуматься о своей жизни: «*Раньше Чьонг Тьи смутно представлял себе, что можно жить по-другому, что существуют другие жизни, хотя и чувствовал, что его собственная жизнь пошла и неинтересна. Что существование его никчемно. Что эта лодка и эта утварь никчемны. Что тело его уродливо и тоже никчемно. Что все, что он знает, никчемно. И даже его талант, его пение бессмысленны и никчемны <...>. Сейчас после встречи с Ми Ньонг он ясно осознал, что его жизнь — дерьмо, вонючее собачье дерьмо. И не только его жизнь, но и жизнь всей толпы. Все, все смердит*»⁴.

Дворцовое окружение Чьонг Тьи было чуждо: «*Вокруг него плотным кольцом толпились евнухи, колдуны, карлики-шуты, прорицатели, астрологи, знахари... Чьонг Тьи стало страшно. Ему захотелось увидеть лицо хоть одного рыбака, пусть даже ловца мелкой рыбешки, не то что китолова. Он сразу бы окреп душой*»⁵.

Ми Ньонг просит Чьонг Тьи спеть песни про любовь, но двор навязывает ему другие: о славе, о карьере, о деньгах. Однако по заказу да еще на такие темы песни у него не получаются. Он знает, что петь об этом — «*дерьмовая затея*», и начинает петь песни, состоящие из одних «эй а» и «хуэй зо», т. е. из одних бессмысленных припевов и внесмысловых песенных вставок. Как говорится в рассказе: «*Местами он даже подражал лаю собак, кудахтанью кур, бляенью коз*»⁶. Не удивительно, что и присутствующие оценивают его пение одним словом «*дерьмо*».

Чувствуя, что таким образом он сам себя унижает, а это то, чего он больше всего боится, Чыонг Тьи решает спеть настоящую песню про любовь, которая для него равна Абсолюту. Он поет:

*«Мои желания
Обращены к Абсолюту...
Я Чыонг Тьи
Я воспеваю любовь
Прорастающую из семени Добра»⁷.*

Или:

*«Любовь не умирает и не рождается
Она абсолютна...»⁸.*

Поэтому-то, как поется в песне, после ухода людей из этой «неблагодарной и фальшивой жизни» останется одна «бессмертная любовь». Но и эта песня остается непонятой.

Таким образом, в версии писателя можно воспринимать этот рассказ и как грустную историю о безответной, несчастной любви, как в фольклоре, а можно и как рассказ об одиночестве и непонятости поэта, творческой личности в мире, в чуждой ему среде или, например, о стремлении художника к Абсолюту и неспособности творить на заказ. К последнему склоняет читателя конец рассказа, ведущегося от лица рассказчика. Вот он каков: «*В старой поэме говорится, что когда Чыонг Тьи допел две последние строчки:*

*«Если уж в этой жизни не удалось нам соединиться,
То пусть хоть в следующей жизни наша любовь состоится»,
он прыгнул в реку и утонул. Душа его вселилась в сандаловое дерево.
Из него сделали чашу и поднесли государю. Когда Ми Ньонг налила в нее вино, то увидела в нем лик Чыонг Тьи. Она заплакала, ее слезинка попала в чашу и чаша треснула.*

Мне — автору этого рассказа — совершенно не нравится подобный традиционный сюжет. Конечно, сам по себе он хорош и трогателен, тут уж народ постарался. Но у меня есть для этой истории свой конец. Правда, это мой секрет. Одно могу сказать, я убежден, что в по-

следнюю минуту своей жизни Чыонг Тьи должен был выругаться. И в этом нет ничего плохого.

Что касается Ми Ньонг, то она прожила свою жизнь счастливо и в достатке.

Это жестоко и бессмысленно одновременно.

Но такова жизнь»⁹.

Если в основу рассказа «Рыбак Чыонг Тьи» положено фольклорное предание, то некоторые произведения Нгуен Хюи Тхиепа — полностью результат авторского вымысла. Так написан, например, цикл небольших рассказов, объединенных под общим названием «Ветерки над Хуататом» с подзаголовком «Десять историй из жизни маленького горного селения» (Những ngọn gió Hua Tát. Mười truyện trong bản nhỏ)¹⁰. Будучи плодом творчества профессионального писателя и тем самым фактом художественной литературы, а не фольклора — двух совершенно разных систем, — они сохраняют жанровые признаки фольклорных преданий и поэтому их можно назвать литературными, или авторскими, преданиями. Писатель заимствует в данном случае форму фольклорных преданий, достаточно безыскусную, но придает им вполне современное звучание за счет усложнения как содержательной, так и формальной стороны.

Как авторские исторические предания Нгуен Хюи Тхиеп пишет и свои связанные между собой известные исторические рассказы «Острый меч» (Kiếm sắc) и «Целомудрие» (Phẩm tiết).

Рассказ «Острый меч» — это история одного из близких приближенных Нгуен Фук Аня, будущего императора За Лонга, правившего в первой половине XIX века, по имени Данг Фу Лан, «о котором не упоминается ни в одной исторической книге»¹¹. Краткое содержание его следующее.

Данг Фу Лан, сын Дан Фу Биня, служившего династии Тэйшонов, захвативших власть во второй половине XVIII века, получает от умирающего отца волшебный меч, обладающий чудодейственной силой. Кроме того, отец советует сыну оставить Тэйшонов — им, как он полагает, не суждено долго править — и перейти на сторону Нгуен Фук Аня. Герой так и поступает, верно и успешно служа будущему императору. Когда тот занимает г. Фусуан, к нему попадает одна необыкновенно красивая 18-летняя певица по имени

Нго Тхи Винь Хоа. Она хорошо поет, великолепно играет на музыкальных инструментах и обладает прекрасными манерами. Герой вместе с Нгуен Фук Анем слушает ее песни, но ни намек на его особые отношения с красавицей нет. Далее Нгуен Фук Ань отправляет Лана на Север для привлечения на свою сторону именитых северян, а его меч оставляет у себя, чтобы, если тот вернется с удачно выполненным заданием, возратить меч хозяину с похвалой, а если с неудачей, то этим же мечом его и казнить. В результате Лан возвращается, так и не выполнив поручение императора, и тот отрубает ему голову.

В эпилоге — приведем его полностью — рассказчик говорит: *«Я, человек, записавший эту историю, недавно будучи в Тули, что в Дабакке, заходил в дом одного мыонга¹². Хозяин дома по имени Куать Нгок Минь показал мне поминальные списки своих предков. Я был крайне удивлен, когда он сказал мне, что его предки были кинями¹³. Деда звали Данг Фу Лан, а его жену звали Нго Тхи Винь Хоа и была она из певиц. Лан и Хоа якобы бежали от императора За Лонга в Дабак, выдали себя за мыонгов и обосновались в здешних местах»¹⁴.*

Таким образом, в эпилоге нас ждет ряд неожиданностей. Из него следует, что Данг Фу Лан не погиб, как говорит предание, и красавица Винь Хоа стала его женой. Кроме того, в эпилоге мы знакомимся с живым потомком Данг Фу Лана и Винь Хоа — Куать Нгок Минем.

В рассказе «Целомудрие» речь идет о том, что в Дабакке в районе строительства электростанции находят старое захоронение. По преданию, это захоронение — могила Нгуен Тхи Винь Хоа, основательницы рода Куать. Рассказчик едет на место, чтобы быть свидетелем перезахоронения. Во время этой процедуры Куать Тхи Чинь, дочь Куать Нгок Миня, спрашивает его, не знает ли он что-нибудь о найденной в гробу женщине. На этот вопрос рассказчик мысленно отвечает, что *«знание или незнание — всего лишь неясные условности, к тому же исторически ограниченные»*, и предлагает следующий рассказ-вымысел, опять-таки построенный как историческое предание.

По этому преданию, в семье очень родовитого и богатого северянина родится десятая дочь Нго Тхи Винь Хоа, существо необыкновенное, так сказать, отмеченное Небом: *«Когда девочка родилась,*

над крышей дома вдруг появилось разноцветное облако, осветившее все вокруг, и воздух наполнился благоуханным ароматом. Шею новорожденной обвивали гирлянды цветов, а в ладошке ее был зажат нефрит с тремя китайскими иероглифами: чи тхиен мень, что по-вьетнамски значит «ведущая волю Неба»¹⁵. Последнее в рассказе выражается в том, что Винь Хоа умела предсказывать будущее.

Винь Хоа была красавицей, хорошо пела и играла на музыкальных инструментах. Когда в северную столицу пришел император Тэйшонов Куанг Чунг, отец Винь Хоа без злого умысла, а просто подставленный своим управляющим сильно оскорбил его. Тот решил отомстить. Винь Хоа вступилась за отца и таким образом попала во дворец к Куанг Чунгу. В рассказе говорится, какое ошеломляющее впечатление она произвела на Куанг Чунга и его генерала Данг Тиен Донга, который и должен был арестовать отца Винь Хоа. Про генерала сказано: *«Увидев необыкновенную красоту Винь Хоа, Данг Тиен Донг выронил меч. Будучи образованным человеком, он знал, насколько редки в жизни герои и красавицы, когда-то совершившие проступок перед небом»¹⁶.* А про Куанг Чунга Нгуен Хюи Тхиеп пишет: *«Взглянув на Винь Хоа, император внезапно задрожал, в глазах у него заплесало, и он уронил чашу с дорогим вином»¹⁷.* Император был потрясен и ее красотой, и ее умом, и ее музыкальным талантом. Вскоре Винь Хоа заняла во дворце очень уважаемое место, однако, как ни выказывал ей Куанг Чунг свое уважение и любовь, добиться ее он не смог.

Когда династия Тэйшонов пала и власть перешла к Нгуен Фук Аню, Винь Хоа сначала попала в гарем одного из крупных военачальников За Лонга, который также хотел, но не смог завладеть ею, а затем к самому За Лонгу. За Лонг, как и остальные, был потрясен красотой Винь Хоа: *«Когда император подошел поближе и увидел, как красива Винь Хоа, у него потемнело в глазах. От тела Винь Хоа исходил запах такой же благоуханный, как запах цветов шыа. Император вздохнул, упал на землю и потерял сознание»¹⁸.* Однако, когда он решил взять Винь Хоа в жены и сказал ей об этом, она исчезла. А через какое-то время в Дабакке местные жители вытащили из реки труп красивой молодой женщины, на руках у которой был маленький ребенок, еще живой. Люди императора опознали в утопленнице Винь

Хоа. Император устроил ей пышные похороны и воздвиг в ее честь поминальный храм. А ребенка Винь Хоа якобы взяли к себе на воспитание мыонги.

Если сравнить конец этого рассказа с эпилогом рассказа «Острый меч», то очевидны существенные расхождения. В «Остром мече» Данг Фу Лан и Винь Хоа бежали от За Лонга вместе и обосновались в районе, населенном мыонгами, основав новый род. В «Целомудрии» же Данг Фу Лан даже не упоминается, а Винь Хоа, погибая, оставляет ребенка. Читателю остается только гадать, чей это ребенок? Судя по рассказу, не Куанг Чунга, не За Лонга и не военачальников, также очарованных ею. Значит, Данг Фу Лана? Прямого ответа на этот вопрос нет, остается неясным, и что все-таки было на самом деле.

Рассказ Нгуен Хюи Тхиепа «История одной любви, рассказанная в дождливую ночь» (Truyện tình kể trong đêm mưa) посвящен взаимоотношениям трех героев в наши дни. Бак Ки Шинь, гордый, независимый житель горного северо-западного края страны, занимается нелегальной торговлей наркотиками на границе между Вьетнамом, Китаем и Лаосом. Он любит красавицу Муон, но в нее же влюблен и начальник местного погранотряда Нган. В начале рассказа Муон любит Бак Ки Шиня и даже помогает ему бежать из заключения. Но поскольку как женщина она прежде всего мечтает о нормальном доме и счастье, то в конце концов предпочитает Нгана, который ей все это дает. А Бак Ки Шинь после скитаний оказывается в Америке, где продолжает любить Муон.

В этом рассказе, представляя главного героя, писатель также использует форму устного родового предания: «*Бак Ки Шинь был потомком знатного старого рода Бак, что жили на земле Мыонг Ваи. Говорят, что основателем рода был человек из киней, когда-то якобы даже служивший министром. Но устав от службы, он бежал в Северо-западный край. Было это веке в XVIII, в смутные времена, вызванные распрями между императором из дома Ле и князьями из рода Чинь. На новом месте он женился на тайке, основал поселение и стал жить торговлей опиумом с лаосцами и китайцами*»¹⁹.

Рассказ «Уличное предание» (Huyền thoại phố phường) представляет собой как бы запись современного устного городского рассказа об одной странной истории, приключившейся в современном Ха-

ное. Герой рассказа Хань сходит с ума после того, как рушится его самая большая мечта — разбогатеть. В конце рассказа писатель сам указывает на истоки своей истории: «*Одно время в городе ходила детская песенка, происхождение которой было мало кому понятно*»²⁰ и далее приводит эту песенку, конечно же, сочиненную самим писателем. Такой «сплав» устного рассказа и произведения поэтического фольклора (стихотворения или песенки) очень характерен для традиционного вьетнамского фольклора: мифологических рассказов, сказок, преданий и т. д.

В двух рассказах писателя «Беги, река» (Chạy đi sông ơi) и «Речная нимфа» (Con gái thủy thần) сюжетобразующую роль играют былички. Во вьетнамском литературоведении быличка как суеверный или демонологический устный рассказ о встрече человека с нечистой силой отдельно не выделяется и специального термина для нее не существует, хотя и устная, и письменная вьетнамская литература чрезвычайно богаты быличками.

Рассказ «Беги, река» ведется от первого лица и представляет собой воспоминание уже взрослого мужчины о своих детских годах, проведенных на берегу одной реки, и о его мечте увидеть черного буйвола, якобы живущего в этих местах и по местному поверью приносящего всем его увидевшим счастье. В рассказе говорится: «*Рыбаки, выходящие на ловлю по ночам, решительно утверждали, что видели его. Обычно он появлялся посреди ночи, поднимаясь со дна реки на поверхность. Тело его блестело, рога высоко вздымались вверх, он пыхтел и передвигался по водной глади «аки посуху». Из рта его с шумом разлеталась слюна, похожая на рыбную икру. И тот, кому по счастью удавалось заглотнуть ее, становился необыкновенно сильным и мог плавать под водой словно рыба*»²¹.

Чтобы увидеть черного буйвола, мальчик постоянно упрашивал рыбаков взять его с собой на ночную ловлю и при каждом удобном случае пытался выяснить что-либо об этом чуде. Старый рыбак по имени Тхинь, человек с темным прошлым, убийца и вор, уверял его, что рассказ о черном буйволе — глупая выдумка: «*Я рыбаку в этих местах уже шесть десятков лет. Знаю здесь каждый извив реки... история про черного буйвола — один глупый слух... Верь мне, пацан, здесь на пристани Кок рассказы про убийства — правда, про ограбления —*

правда, про прелюбодейство, азартные игры — правда, а вот про черного буйвола — ложь»²².

Паромщица же Тхам, бедная молодая женщина, спасшая однажды мальчика, когда тот упал в реку и чуть не утонул, говорила, что черный буйвол действительно существует, но увидеть его, а тем более быть облагодетельствованным им, могут только хорошие люди: *«Черный буйвол существует! Он живет под водой. Когда он поднимается на берег, то приносит людям силу... Но чтобы увидеть его и получить от него чудесный подарок, надо быть хорошим человеком»²³.*

В основе рассказа «Речная нимфа» лежит поверье о речной нимфе, слухи и даже встречи с которой преследуют героя все молодые годы. По поверью, во время страшного тайфуна летом 1956 г. на отмели Ной, что на реке Кай, молнией повалило огромное вековое дерево. Тогда же кто-то видел, как две водяные змейки *тхунг луонг* — мифологические существа — устроили рядом с отмелью любовные игры да так, что замутили всю воду. А когда дождь кончился, у основания дерева лежала новорожденная девочка, дочка тех водных духов. Про девочку-речную нимфу ходили разные слухи. Одни говорили, что ее взял на воспитание хранитель храма Тиа, другие — что тетушка Монг с местного рынка. А еще говорили, что девочка попала в местный католический монастырь, где ее крестили под именем Жанна Доан Тхи Фьонг. В народе же все ее звали Ме Ка, что значит «Большая мать». Рассказывали также, что Ме Ка спасла как-то одного человека по имени Хой и его дочку.

Когда Хой строил дом, ему понадобился речной песок, и он отправился за ним на реку, взяв с собой восьмилетнюю дочь. Там, в яме, из которой они брали песок, их и засыпало. Ме Ка, в то время проплывавшая по реке, увидела это, обратилась в десять выдр, которые и откопали несчастных.

Рассказывали также, что однажды старый Ты Тьонг, копая колодец, нашел древний бронзовый барабан. Уездное управление по культуре решило перевезти эту реликвию в город. Но когда барабан везли по реке, *«вдруг ни с того, ни с сего загремел гром и засверкали молнии, подул сильный ветер и заметались большие волны»²⁴.* Тут появилась Ме Ка и велела выбросить барабан в реку. Когда ее волю выполнили, она села на барабан и стала по нему бить. Тут же утих

гром и перестал идти дождь, а Ме Ка, обхватив барабан, нырнула в воду.

По словам главного героя, все рассказы о Ме Ка казались ему *«очень путанными, то ли правда, то ли ложь»*. Однако и ему пришлось несколько раз столкнуться с нею, хотя каждый раз она как — то бесследно исчезала. Однажды герой подростком сторожил кооперативное поле сахарного тростника, на которое напала ватага деревенских ребятишек. Судя по всему, верховодила ими девочка лет 12. Когда герой погнался за маленькими воришками, все они бросились в воду и поплыли. Девочка, как показалось герою, с трудом держалась на воде и плыла в сторону от своих друзей. Герой решил поймать именно ее, но сколько ни старался, поймать так и не смог. Наконец, когда ее друзья были далеко и в безопасности, девочка остановилась и сказала герою: *«Ты ни за что меня не поймешь. Разве можно поймать Ме Ка!»²⁵* и исчезла, как будто ее и не было.

В другой раз герой был жестоко до беспамятства избит парнями из соседней деревни, а когда, очнувшись дома, спросил мать, кто его спас, та ответила: *«Ме Ка»*.

В третий раз Ме Ка предстала перед героем в обличье молодой учительницы, с которой герой встретился в городе, куда его послали учиться. Учительницу звали Фьонг. Знакомство их было очень коротким, но оставило в его душе глубокий след. Поэтому впоследствии, поехав по делам в город, герой решил разыскать молодую учительницу. В школе ему сказали, что полное имя ее Жанна Доан Тхи Фьонг (!), но она здесь больше не работает. И он решил продолжить поиски, для чего обратился в местный монастырь, где, как рассказывали, воспитывалась Ме Ка — она же Жанна Доан Тхи Фьонг. Однако настоятельница монастыря сказала, что девочка с таким именем у них действительно была, но отец ее торговал соусом *ныок мам*, а вот про Ме Ка она ничего не знает.

Тогда герой отправился в храм Тиа. Хранитель храма, по рассказам один из возможных воспитателей девочки, тоже сказал, что тайфун помнит, поваленное дерево помнит, а девочку нет. Якобы спасенный Ме Ка почтенный Хой также ничего не прояснил — он был уже слишком стар. Наконец, герой добрался до самой отмели Ной,

где когда-то нашли Ме Ка. Живший там парализованный старик на вопрос героя о Ме Ка рассмеялся и ответил, что историю о Ме Ка он просто выдумал. И еще добавил, что если герой хочет узнать, на что похожа Ме Ка, то пусть раскопает ее могилу — небольшой холмик по соседству. Раскопав его, герой нашел там только изгнившее бесформенное бревно. Так — ничем — завершились поиски героем речной нимфы в первой части этого рассказа. В конце части читаем: *«Передо мной безостановочно текла река. Текла в море. А море огромно. До сих пор я не видел моря, хотя прожил уже полжизни... Время тоже все время бежит. Еще 10 лет и наступит 2000 год... Я встал и пошел домой. Завтра я отправлюсь к морю. На море нет нимф...»*²⁶.

Если говорить об идейно-художественной функции быличек в этих двух рассказах, то она совершенно разная. В рассказе «Беги, река» быличка о черном буйволе помогает писателю выразить идею о том, что потеря мечты, мечты о прекрасном, о счастье, об идеале, которой жил герой в детстве, обесмысливает жизнь. Кроме того, в самом рассказе она накладывается на мысль о бессмысленности не просто жизни без мечты, а жизни в городе, который убивает мечты. В рассказе «Речная нимфа», напротив, истории о таинственной Ме Ка сопровождают детство и юность героя, проведенные в родной деревне, в родных краях, а прощание с ними символизирует как бы начало новой жизни вдали от родных мест, переход от «реки» к «морю». Тем более, что все истории оказываются сплошной выдумкой.

Иногда суеверные представления в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа выражены очень коротко, а не в виде хоть сколько-нибудь развернутого рассказа. Например, в рассказе «Нгуен Тхи Ло» (Nguyễn Thị Lộ) писатель говорит о дне, когда Нгуен Чай, известный вьетнамский государственный деятель, военачальник и поэт XV века, сделал предложение своей возлюбленной Нгуен Тхи Ло: *«В день, когда Нгуен Чай попросил ее руки, шел проливной дождь. Говорят также, что в этот день над рекой Кай летал дракон»*²⁷, видимо, предвещая что-то важное, что должно было произойти в будущем героев. Или, скажем, в рассказе «Небесные письма» (Thiên văn) читаем:

«Говорят, что в тот день, в тот год через реку переплывал на лодке человек, один, без весел, без шеста. Бушевала сильная гроза, но он все равно причалил к другому берегу. Ходит слух, что это был небожитель.»

*Он оставил в лодке гигантские следы, и когда лодчица потом поставила в один из них свою ногу, чтобы измерить, то по возвращении домой она понесла»*²⁸.

В ряде рассказов Нгуен Хюи Тхиеп прибегает к мифологическим рассказам. В большинстве случаев это происходит эпизодически. Так, в рассказе «Без короля» (Không có vua) упоминается дух домашнего очага *онг Тао*, который 23 декабря по лунному календарю, т. е. за 7 дней до нового года, отправляется на небо для встречи с верховным божеством Яшмовым императором. В рассказе «Лесорубы» (Những người thợ xẻ) упоминается о правителе подводного царства *вуа Тхюи те*. А в рассказе «Беги, река» рыбаки вспоминают божество *Ха Ба*, которое живет в реке. По-видимому, речь здесь идет о мифологическом водном божестве, которое генетически восходит к древнекитайскому Хэ-бо²⁹.

Но в одном случае мы имеем дело с более значительным явлением. Речь идет о рассказе «В Калифорнии не плачут!» (Không khóc ở California). Этот рассказ представляет собой историю любви двух людей, вынужденных жить в разлуке, причем, она имеет мужа и сына и живет в Америке, а он живет во Вьетнаме. В рассказ вплетена мифологическая история китайского происхождения о Ткачихе и Волопase (*кит.* Нью-лан и Чжи-нуй, *вьетн.* Нгыу (или Нгау) Ланг и Тъик Ны). Эта история в разных вариантах широко распространена как в Китае, так и во Вьетнаме, став символом разлученных влюбленных.

В соответствии с этой историей, дочь Неба Ткачиха была выдана отцом замуж за земного мужчину Волопаса. Далее Небо в наказание за страстную любовь разлучило супругов, разведя по разные стороны Серебряной реки, т. е. Млечного пути, но разрешило им встречаться раз в году в 7-ю ночь 7-го месяца по лунному календарю на мосту через Серебряную реку, который составляли из своих тел вороны. С тех пор, каждый раз при встрече, муж с женой горько плачут, а их слезы выпадают на землю дождем. Поэтому в 7-й месяц по лунному календарю обычно идет мелкий дождь, который так и называется по имени главного героя «дождь Нгау»³⁰.

В рассказе Нгуен Хюи Тхиепа эта история используется как сказка, которую главная героиня рассказывает своему сыну. Основ-

ное содержание ее с небольшими отклонениями при этом сохраняется и сводится к следующему. Однажды один молодой человек отправился за дровами в лес и там у «*колодца фей*» увидел небожительницу. Пока она купалась в колодце, он украл ее крылья, и сколько она ни просила, так их и не отдал, предложив стать его женой. Молодые люди полюбили друг друга, и вскоре у них родился сын. Ничто не мешало счастью супругов, но как-то мужу пришлось отправиться по делам. Перед разлукой он велел жене и сыну ни в коем случае не трогать один стог рисовой соломы, однако сын не послушался и нашел в нем крылья матери. Она вспомнила небо и, надев крылья, улетела туда, предварительно оставив для мужа свой браслет. Вернувшийся муж, не найдя жену, очень затосковал. Однажды он с сыном пришел к «*колодцу фей*» и встретил там одну старую фею, которой рассказал свою историю. По браслету она поняла, о ком идет речь, и сообщила жене о муже и сыне. С разрешения Яшмового императора их в корзине на веревках доставили на небо. Однако через два дня после радостной встречи им предстояло расставание — людям земли не разрешалось долго быть на небе. Перед разлукой жена дала мужу барабан, немного риса на дорогу и сказала, что как только они достигнут земли, муж должен три раза ударить в барабан. Это будет для нее сигналом, что пора разрезать веревки, на которых висела корзина. Где-то на пол пути к земле мальчик захотел есть, и отец дал ему риса. Мальчик разбросал его по поверхности барабана. Пролетавшие мимо вороны стали клевать рисинки. Мать подумала, что это сигнал и разрезала веревки. Отец и сын упали на землю и разбились. Далее Яшмовый император забрал мужа на небо, и тот стал пастухом. Правитель неба разрешил супругам встречаться один раз в году, и с тех пор они встречаются, а затем расстаются.

Как видно, это довольно длинный вставной кусок, в который автор добавляет и некоторые индивидуализирующие повествование детали и комментарии, которые якобы делает героиня по ходу рассказа. Так, начинается сказка словами: «*Послушай, сынок: Родина наша — в тропиках. Там много дождей. Много солнца. И души людские очень переменчивы*»³¹. Или далее: «*В лунные ночи, когда на радостях, а когда от тоски — обычно от тоски чаще, чем от радости — к колодцу спускались феи, чтобы искупаться*»³². Или: «*В те времена на земле*

жил-был один молодой человек. Он много работал и был одинок (но, Боже мой, кто же не одинок, так уж повелось испокон веков)»³³. Или: «*Но волки избегали ходить по тем дорогам, по которым ходил он — они знали, что он еще более одинок, чем они, и значит, смелее всех остальных людей*»³⁴. Или: «*Но молодой человек не боялся смерти. Что в ней особенного (раз и готово, со 100-процентной гарантией). Жить — вот это тяжело!*»³⁵ и т. д.

Все эти реплики женщины, как видно, подчеркивают ее тоску и одиночество. Иными словами, история о Ткачихе и Волопase используется Нгуен Хюи Тхиепом вполне традиционно — как история о разлученных влюбленных, которые не могут соединиться.

Интересно, что во вьетнамской литературе есть еще один случай использования этой истории, по крайней мере, части ее, естественно, в несколько измененном виде, но несет она совершенно иную смысловую нагрузку. Речь идет о пьесе известного вьетнамского писателя первой половины XX века Кхай Хынга (1896—1947) под названием «Земные слезы» (Tức lệ). В пьесе нет Ткачихи и Волопаса, а есть фея по имени Ня Тиен и молодой человек по имени Вьет Ты. Вьет Ты крадет крылья Ня Тиен, когда та с двумя своими подругами — небожительницами купается в ручье. Подруги улетают на небо, а Ня Тиен остается на земле, и Вьет Ты делает ее своей женой. Через пять лет, когда у нее уже двое детей, и еще один умер, она случайно находит свои крылья и собирается вернуться на небо, так как все время только об этом и мечтала. Но невидимый персонаж — эхо, он же ее внутренний голос, убеждает ее, что хоть земная жизнь и полна страданий и жестокости, все же великий смысл земной жизни в любви, в сострадании. В результате Ня Тиен решает остаться на земле со словами: «*...теперь я буду воспевать сострадание, любовь к людям и к жизни*»³⁶.

Как видно, пьеса Кхай Хынга совсем не о несчастной любви, а о победе земной жизни, как бы тяжела она ни была, над жизнью небесной, идеальной.

В рассказах Нгуен Хюи Тхиепа можно найти и приметы. Судя по всему, часть из них действительно фольклорной природы, другие же придуманы писателем для своих целей. Так, в рассказе «Соль леса» (Muối của rừng) старый охотник Зиеу, отправившийся на охоту с но-

вым ружьем и преследующий двух больших обезьян, боится погибнуть в «Ущелье смерти», о котором говорят, что здесь «*почти каждый год кто-то погибает, заблудившись в густом тумане*»³⁷. Или он думает, что его водят по лесу злые духи *ма*: «*Ведь бесприютные духи незамужних девиц или холостяков обычно превращаются в белых обезьян?*»³⁸. А на обратном пути после неудачной охоты старый охотник случайно выходит на место цветения цветов *ты хюен*: «*Старый Зиеу остановился, как вкопанный. Цветы ты хюен распускаются раз в тридцать лет. Всякому, увидевшему их в эту пору, они сулят удачу. Они белого цвета, с солоноватым запахом, малюсенькие, словно головки зубочистки. Поэтому их и называют «солью леса». Существует примета, что, когда лес покрывается такой «солью», страну ждет мир и богатый урожай*»³⁹.

В рассказе «Воспоминания о родных полях» (Thương nhớ đồng quê) использование народной приметы играет по сюжету очень важную роль. Герой рассказа Ня, работая в поле, натывается на гнездо полевых кузнечиков. Побеспокоенные человеком, они — сотнями — бросаются из гнезда в рассыпную. Мать Няма и жена старшего брата Нгы принимают их ловить, мать — со словами: «*Ой, будет у нас полный дом счастья, дети мои!*», а Нгы говорит: «*Авось вся наша семья станет самой богатой в деревне*»⁴⁰. То есть, по народной примете, разворошить гнездо кузнечиков — к счастью. Его и ждут герои. Но получается все наоборот. Через некоторое время приходит страшное известие о несчастье, постигшем семью. Под колесами грузовика гибнут младшая сестра героя и его племянница. Так ожидаемое, вроде бы «обещанное» счастье оборачивается страшным несчастьем, всю неожиданность и ужас которого подчеркивает предшествующий ему эпизод с кузнечиками.

В уже упоминавшемся рассказе «Острый меч», говоря об отношении населения к Нгуен Фук Аню, Нгуен Хюи Тхиеп пишет следующее: «*Жители Данг Чонга (старое название южной части Вьетнама. — Авт.) Нгуен Фук Аня больше боялись, чем любили. Говорят, куда бы он ни направлялся, повсюду впереди клубились черные тучи, и люди знали, раз дождь, значит, мимо только что проследовал Ань*»⁴¹. Иными словами, писатель создает примету, которая необходима ему по ходу рассказа.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что, в каком бы виде, какими бы способами Нгуен Хюи Тхиеп ни использовал вьетнамский фольклор, это всегда расширяет смысловой контекст его рассказов, с одной стороны, и дает дополнительные возможности для их интерпретаций, с другой.

Примечания

¹ Казао — собирательное название для произведений вьетнамской народной поэзии малых форм.

² См.: *Mai Thúc, Đỗ Đức Hiếu. Điển tích văn học*. Hà Nội, 1995. Тр. 300—302 : [Май Тхук, До Дык Хиеу. Литературные реминисценции. Ханой, 1995. С. 300—302].

³ *Nguyễn Huy Thiệp*. Truyện ngắn. Hà Nội, 2003. Тр. 461 : [Нгуен Хюи Тхиеп. Рассказы. Ханой, 2003].

⁴ *Нгуен Хюи Тхиеп*. Рассказы. С. 461.

⁵ Там же. С. 467.

⁶ Там же. С. 466.

⁷ Там же. С. 471.

⁸ Там же. С. 471.

⁹ Там же. С. 472.

¹⁰ Об этом произведении подробнее см.: *Филимонова Т.Н.* О сюжетно-композиционных особенностях литературных преданий Нгуен Хюи Тхиепа // Традиционный Вьетнам. Вып. 2. М., 1996.

¹¹ *Нгуен Хюи Тхиеп*. Рассказы. С. 197.

¹² Мьонги — один из малых народов Вьетнама, в языковом плане являющийся ближайшим родственником вьетнамцев.

¹³ Кини — другое название вьетов.

¹⁴ *Нгуен Хюи Тхиеп*. Рассказы. С. 207—208.

¹⁵ Там же. С. 223.

¹⁶ Там же. С. 226.

¹⁷ Там же. С. 226.

¹⁸ Там же. С. 231.

¹⁹ Там же. С. 591.

-
- ²⁰ Там же. С. 364.
- ²¹ Там же. С. 6.
- ²² Там же. С.11.
- ²³ Там же. С.13.
- ²⁴ Там же. С. 94.
- ²⁵ Там же. С. 98.
- ²⁶ Там же. С.108.
- ²⁷ Там же. С. 457.
- ²⁸ Там же. С. 496.
- ²⁹ См.: Мифологический словарь. М., 1990.
- ³⁰ См.: *Điển cố văn học. Hà Nội, 1977. Tr. 105* : [Словарь литературных реминисценций. Ханой, 1977. С. 105].
- ³¹ *Nguyễn Hữu Thiệp. Рассказы. С. 567.*
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 568.
- ³⁶ См.: *Khái Hưng. Tục lỵ. Sài Gòn, 1961.Tr. 40* : [Кхай Хынг. Земные слезы. Сайгон, 1961. С. 40].
- ³⁷ *Nguyễn Hữu Thiệp. Рассказы. С. 86.*
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 90.
- ⁴⁰ Там же. С. 273.
- ⁴¹ Там же. С. 198.